

8. Путин: Государство поможет воссозданию мусульманской богословской школы / Деловая газета ВЗГЛЯД. 23 сентября 2015 г. URL: <http://vz.ru/news/2015/9/23/768406.html>

9. Путин назвал ислам «ярким элементом российского культурного кода» / 22 октября 2013 г. URL: <http://newsru.com/religy/22oct2013/ufa.html>

10. Сулейменов, Раис. Татарстан не может определиться: регион – часть России или вилайет Турции / Информационное агентство REGNUM. 22 декабря 2015 г. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2042002.html>

11. Martin Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. – xvii, 496 pp. (The Wilder House Series in Politics, History, and Culture).

УДК 930.2

ББК 63

ГСНТИ 14.07.01

Код ВАК 07.00.09

И.В. Побережников

Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трансформация, историческое наследие, культура, цивилизация, модернизация, демократизация

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются попытки социологического объяснения исторических трансформаций, которые даются в современных социологических концепциях. Данные социологические объяснения подчеркивают вариативность социальных трансформаций в различных культурно-цивилизационных контекстах, на разных этапах исторического развития, демонстрирует значимость культурных измерений социальных трансформаций, фокусируют внимание на роль человеческих усилий в обеспечении социальных трансформаций.

I.V. Poberezhnikov
Yekaterinburg

THE PROBLEM OF HISTORICAL TRANSFORMATIONS IN CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL CONCEPTS

KEY WORDS: transformation, historical heritage, culture, civilization, modernization, democratization

ABSTRACT. The article deals the attempts of sociological explanation of historical transformations which are given in contemporary sociological theories. These sociological explanations underline variability of social transformations in various cultural-civilization contexts, at different stages of historical evolution, shows the importance of cultural measurements of social transformations, focus attention to a role of human efforts in maintenance of social transformation.

Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. в гуманитарном знании, в том числе и в историческом, прошли под знаком антропологического поворота, легитимировавшего многогранное изучение индивида в его повседневной, эмоциональной, культурной, интеллектуальной жизни, кросскультурного разнообразия жизненного опыта людей в разных социальных группах, сообществах, культурах (1; 6; 7; 10). Антропологический акцент способствовал миниатюризации методов и масштабов исследования, увлечению локальной историей, микроисторией, историей повседневности, культурной историей.

В последнее время, однако, вновь растет интерес к «большой» истории, к макроуровневым историческим обобщениям, что является естественным ответом на последствия глобализации, проявляющей себя во многих измерениях, на очевидную недостаточность и односторонность исследований, сфокусированных только на локальный масштаб (2; 3; 5).

Дело в том, что исторические персонажи действуют не в идеальном экспериментальном вакууме, но в «обжитой» среде, заполненной унаследованными от прошлого социальными структурами (технологическими, экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т. д.), связанной глобальными зависимостями, обусловленными иерархическим устройством миропорядка, «пронизываемой» эстафетными механизмами, которые создаются самими людьми,

теряющими впоследствии индивидуальный контроль за действием данных механизмов.

На человека «воздействует», лимитируя возможности выбора и своеобразно направляя действия, историческое наследие в широком смысле слова: материальная и культурно-символическая инфраструктура; антропогенно модифицированный ландшафт; тварные материальные и духовные объекты. Все указанные обстоятельства суммируются понятием цивилизация, которая складывалась исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику. Поскольку указанные «структуры и ценности» одновременно являются основой культуры, постольку обществоведы, изучающие социальные трансформации, были вынуждены признать, что «культура имеет значение» (8).

Проанализировав «культурные силы, благоприятствующие или подавляющие развитие творческих способностей человека, влияющие на возможность реализации модели общественной жизни, на которую возложены сегодня всеобщие упования», Лоуренс Харрисон выделил четыре фундаментальных фактора, «когнитивных представления», которые, по его мнению, создают (или, наоборот, блокируют) условия прогресса: 1) это радиус доверия или чувство общности, которое обеспечивает степень отождествления с другими членами общества (значимо для функционирования, жизнеспособности, эффективности плюралистических политических систем и децентрализованных экономических систем; выражается в установке на сотрудничество и компромисс); 2) жесткость системы морали (требует от человека выполнения своего личного и общественного долга); 3) стиль и методы отправления власти (подавление или, напротив, поощрение способности принимать на себя риск, ответственность, действовать новаторски и предприимчиво); 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям и прибыли (положительное или, наоборот, негативное) (12. С. 20—23).

Уделяя серьезное внимание культуре как фактору исторических трансформаций, Л. Харрисон предпринимает попытку объяснить

замедленное и субоптимальное развитие Испании до последней четверти XX в. (неспособность создать стабильные институты демократического правления; авторитаризм; отсутствие эффективного гражданского контроля над военными; экономическая слаборазвитость; низкий уровень грамотности; низкая продолжительность жизни; крайне неравномерное распределение земли, дохода и богатства). Автор объясняет длительную приверженность испанского правительства политическому курсу, который не способствовал политическому плюрализму, экономическому росту и социальной справедливости, институционально-культурными особенностями испанцев, «действием мощных и упорных культурных традиций». Во-первых, это крайний испанский индивидуализм и низкое чувство общности, узкий радиус отождествления, ограниченный семейным кругом (*soberbia* – чрезмерная гордость с оттенками заносчивости, надменности и тщеславия, «сверхиндивидуализм», по выражению известного испанского филолога Ф. Диас-Плаха), которые блокировали развитие таких условий достижения экономического роста, как координация, предвидение и методичность, коллективная дисциплина, и, наоборот, исключали из жизни компромисс, стимулируя антиобщественное поведение, способствовали длительному сохранению авторитаризма. Во-вторых, это чрезвычайная эластичность традиционной иберокатолической морали, характерное для католицизма чередование греха и раскаяния, покаяния и отпущения одних грехов и совершения новых, снимавшее ответственность за собственные поступки. В-третьих, это жесткий авторитаризм, преобладавший в политике и управлении государством, подавлявший способность к творчеству и несогласию. Наконец, в-четвертых, это по существу отрицательное традиционное иберо-католическое отношение к труду, новшествам и прибыли (католический фатализм, жизнь настоящим; «презрение к физическому труду, бизнесу, технологическим знаниям и негуманитарному образованию»), что имело негативные последствия для предусмотрительности, бережливости и инвестиций (12. С. 64—70). По мнению одного эксперта, которое приводит Л. Харрисон, «в кастильском обществе богатство в целом воспринималось не как что-то, что человек создал или построил, т.е. заработал, но как нечто, что человек

завоевал или чем он может наслаждаться потому, что обладает статусом воинственного победителя, дворянина» (12. С. 70).

В свое время в контексте модернизационного подхода получили распространение структурные модели демократизации, которые опираются на анализ структурных причин, акцентируют зависимость между некоторыми экономическими и социокультурными факторами и вероятностью установления и сохранения демократических режимов в различных странах. Хорошо известна ранняя прямолинейная односторонняя схема демократизации С.М. Липсета, согласно которой экономическое развитие непосредственно ведет к установлению демократических порядков (фактор – экономическое благосостояние; следствие – демократия) (13. С. 27—63). С. Хантингтоном в 1980-е гг. была предложена более сложная концептуальная схема демократизации, опять же структурного характера, которая расширила спектр факторов, приводящих в конце концов к инсталляции демократических режимов (14. С. 193—218). В дополнение к экономическому росту, уже присутствовавшему у С.М. Липсета, Хантингтон включил в свою модель социально-экономическую структуру, внешнюю среду (таким образом, здесь учитывалось воздействие экзогенных факторов) и культурный контекст.

На этом фоне представляет интерес изучение демократизации исследователями, которые не зачисляют себя в последователи модернизационного подхода. К ним, в частности, принадлежит выдающийся представитель современной исторической макросоциологии, противник априорных схем Ч. Тилли. Демократизация, по определению Ч. Тилли, означает общие сдвиги «в сторону более широкого по охвату, более равноправного по сути, более защищенного и более обязательного к исполнению согласования по поводу назначений на политические посты и принятия государственных решений»; дедемократизация — соответственно, «это движение к более узким, менее равным, менее защищенным и менее взаимообязывающим процедурам обсуждения» (11. С. 29). Обращаясь к теме демократизации, Ч. Тилли пытается установить связь между такими параметрами, как историческое время, уровень демократии, потенциал государства, коллективные действия.

Рассмотрим, как работает теоретический подход Ч. Тилли при изучении исторических процессов. Автор обращается к анализу

демократизации во Франции на протяжении XVII—XX вв. и выделяет несколько значительных периодов демократизации (1789—1793, 1815—1848, 1870—1940, 1944—), а также дедемократизации (1651—1789, 1793—1814, 1851—1870, 1939—1943). Вообще, согласно концепции Ч. Тилли, в изучаемый период, если воспользоваться терминами «потенциал государства/демократия», Франция проделала очень сложное по траектории движение: в начале XVII в. она была в самой низшей точке демократии и потенциала государства, так как вышла с большими потерями из грандиозных религиозных войн XVI в. К середине XVII в. воинственные короли несколько восстановили потенциал государства, но в период Фронды 1648—1653 гг. страна вновь попадает в анархическую зону низкого потенциала государства и минимальной демократии. Затем, при Людовике XIV, начинается восстановление контроля над регионами страны; потенциал государства растет вплоть до революции 1789 г., при этом наблюдалось отступление от всего того, что хоть как-то могло напоминать демократию (региональные правители и анклавы теряли независимость). В 1789 г. во Франции начался эксперимент с демократическими формами, однако вскоре усилия революционеров по борьбе с внутренними и внешними врагами привели к очередному укреплению потенциала государства за счет демократии. Затем, с конца наполеоновских войн до конца Второй мировой войны страна постоянно меняла курс, переживая то всплески демократизации, то дедемократизации; причем на каждом этапе потенциал государства возрастал. В послевоенный период во Франции было создано, наконец, демократическое государство с высоким потенциалом, которое до сих пор существенно не изменило траектории развития (11. С. 51—54).

Французский опыт демократизации, по мнению Ч. Тилли, опровергает представление «о демократизации как постепенном, продуманном и необратимом процессе, как о готовом наборе политических изобретений, которые народ просто применяет там и тогда, где и когда он к этому готов», и демонстрирует, напротив, что «необходима борьба и толчок как для построения демократии, так и для отхода от нее» (11. С. 51). Это очень интересно, поскольку тот же С. Хантингтон, полагавшийся на свою структурную модель, настаивал на последовательности,

постепенности, неконфликтности, как условиях нормального, эффективного, устойчивого демократического процесса.

Из концепции, демократизации, предложенной Ч. Тилли, следует (еще раз), что необходимо учитывать историческое время, в котором оказываются структуры или процессы, поскольку время привносит различия в их характер. Далее, Тилли подчеркивает, что исторический процесс создается действиями людей; демократизация – это не автоматический процесс, регулируемый анонимными законами, это постоянная борьба, в которой участвуют различные социально-политические группы, интересы, проекты, манифесты. Кроме того, модель Ч. Тилли утверждает открытость, альтернативность и многонаправленность исторической динамики вместо заранее предписанного сверху одновекторного. Исторический процесс в рамках концепции Ч. Тилли оказывается нелинейным, постоянно меняющим направление, что соответствует сложной исторической действительности.

В современных исследованиях дополнительные подтверждения получает *трансформационистская* концепция модернизации, акцентирующая зависимость механизмов модернизации от исторического времени, времени вступления страны в процесс модернизации. Согласно данной концепции, со временем меняются сами механизмы модернизации, сама модернизация подвергается трансформации; субпроцессы модернизации протекают иначе, подвергаясь модификации.

Исследование Р. Инглхарта и К. Вельцеля (4) демонстрирует, каким образом трансформируются со временем механизмы самой модернизации, подчеркивая историческое изменение связи между модернизацией и демократизацией.

В классических версиях теории модернизации процесс индустриализации сопрягался с демократизацией. Действительно, модернизация, сопровождаемая рационализацией, секуляризацией, бюрократизацией, кажется, повышает и роль личной независимости, самовыражения, свободы выбора, создавая предпосылки для формирования демократического гуманистического общества, в центре которого находится человек. Однако, как показывают Р. Инглхарт и К. Вельцель, связь между модернизацией и демократизацией не является линейной. На первом – индустриальном – этапе модернизации, отмечают авторы,

происходит мобилизация масс, что создает предпосылки для утверждения демократии в ее современном понимании — но одновременно и для установления фашистского или коммунистического строя (переключка с Баррингтоном Муром (9)). Более того, «индустриализация не укрепляет в людях ощущение личной независимости, потому что индустриальные общества организованы на началах дисциплины и регламентации. ... Жизнь в индустриальном обществе столь же стандартизирована, как и массовая продукция его заводов. Массовая дисциплина, свойственная индустриальному обществу, манипулирующему армиями наемных рабочих, перемещающихся из казарм-общежитий к конвейерам и обратно, создавала потребность в жестких нормах поведения. ... Стандартизация жизни по образцу промышленного производства не оставляла места для ценностей самовыражения» (4. С. 49). И лишь на постиндустриальном этапе модернизации («общество знания»), по мнению Инглхарта и Вельцеля, общественность все активнее требует демократии — формы правления, обеспечивающей людям максимально широкую свободу выбора собственного жизненного пути (4. С. 11—78).

Подводя итоги, следует признать полезность инвентаризации, систематизации, сопоставления теоретико-методологических инструментов. Попытка взглянуть на изучаемую реальность сквозь очки различных познавательных подходов делает объемным само изображение, углубляет наши представления о действительности, высвечивая в ней новые, незамеченные ранее, нюансы, с одной стороны, позволяет оценить сильные и слабые места самих познавательных инструментов, с другой стороны. Рассмотренные в данной статье интерпретации исторических трансформаций не являются однопорядковыми. Однако, они важны и для понимания разнообразия социальных трансформаций в различных культурно-цивилизационных контекстах, на разных этапах исторического развития. Концепция Л. Харрисона демонстрирует значимость культурных факторов (не)сдвигов. Она вновь подтверждает, что культура «имеет значение», может как ускорять изменения, так и их блокировать. Модель демократизации Ч. Тилли дополняет структурные модели демократизации, получившие распространение в рамках модернизационной парадигмы. Рельефная темпоральность модели Тилли, присущий ей акцент на акционизм и альтернативность, позволяют при ее помощи получить

результаты, существенно корректирующие наши представления о важнейшем подпроцессе модернизации. Схема Р. Инглхарта и К. Вельцеля также акцентирует значимость культурных измерений макроисторической динамики. Она подчеркивает эволюцию самих механизмов модернизации со временем, а также нелинейный характер социокультурной динамики.

Литература:

1. Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.
2. Глобальная история: современная проблематика и новые исследовательские подходы / Материалы всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М.: ИВИ РАН, 2015.
3. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
5. Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / Отв. ред Л.П. Репина. М., 2015.
6. Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX—XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012.
7. Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2010.
8. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.
9. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016.
10. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
11. Тилли Ч. Демократия. М., 2007.
12. Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008.
13. Lipset S.M. Political Man. N.Y., 1963.
14. Huntington S. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193—218.